

Г. Панков — человек театра

ЧЕЛОВЕК театра! В этом определении множество понятий: человек, созданный театром, любящий театр, понимающий театральное искусство, человек, судьбу которого определил театр, человек, созданный для театра, нужный ему. Георгий Панков включает в себя все эти качества, плюс еще, может быть, самое главное — он человек, которому любовь к театру приносит страдания. Вряд ли есть настоящая любовь, не затаившая в себе зерно страдания. Думая, что наличие этого страдания рождает страсть. Страсть к театру — болезнь, но какая прекрасная! Это знает Г. Панков.

Я люблю смотреть на человека, страдающего от искусства, ибо искусство, как любовь, обязательно мучит, томит, издевается. Я не люблю в искусстве людей спокойных, безмятежно уверенных в себе, в своем деле, — они бюрократы, они думают, что счастливы, но глубоко ошибаются, — и бог с ними!

Я люблю смотреть на человека недовольного, возмущающегося (и собой тоже!), наивно радующегося всякой, на первый взгляд, чепуховой победе, никому, кроме него, не видной и для всех безразличной. Я люблю смотреть на Панкова, на Георгия Геннадьевича, на Рэну!

Он — большой чудак! Поэтому нужен искусству, грандиозно полезен делу театра.

Г. Панков — профессионал. Он хорошо владеет ремеслом актера и режиссера. Но он и художник, потому что боится регламентаций в искусстве, боится и самого искусства, как боится своих богов настоящий жрец. Уверенность? Нет, это не для художника. Убежденность — да, это необходимое свойство, хотя оно изменчиво и каждый раз проявляется иначе.

Все это — про Панкова. Про человека, который каждый день в театре, который режиссирует,

спорит, планирует, поет спектакли, возмущается и радуется... Отнемите у Рэны хоть одно из его свойств, и — нет режиссера Панкова, того, которого мы знаем и любим.

Как показывает опыт, мало быть нужным Большому театру, надо в него попасть. Второе бывает важнее первого, и оно для Г. Панкова было не легким. Кончив отделение актеров музыкальной комедии ГИТИСа, поступил в театр оперетты, пел пробу в Большом театре. До пробы в Большой все знали, что у Г. Панкова хороший голос, что он музыкален, прекрасный актер, живой театральный человек. Но проба прошла неудачно. К счастью, проба что конкурсы — их результаты редко соответствуют истине и часто противоречат

Г. Панков — Шпулька («Сон в летнюю ночь»).

практике, жизни искусства. (Конечно, бывают и совпадения!). Это знал Никандр Сергеевич Ханаев, который был в то время заместителем директора Большого театра по творческим вопросам. «Что-то в нем, в этом Панкове, есть, а?» — сказал он мне. Я знал Панкова по ГИТИСу и поэтому сказал: «Есть!».

Оказалось, что это лучший Бартоло в «Севильском цирюльнике» за обозримый старожилами период жизни Большого театра, что он может дублировать самого Кривченю (в «Декабристах»), король Рене, непревзойденный Долохов, Ротный... Так оправдалась чуткость и художественная честность Н. С. Ханаева!

Оказалось, что Георгий Панков — артист, а не только носитель тембра, диапазона, победитель переходных нот и носитель других

чисто вокальных качеств. Он оказался достойным самого важного звания артиста — нужен театру.

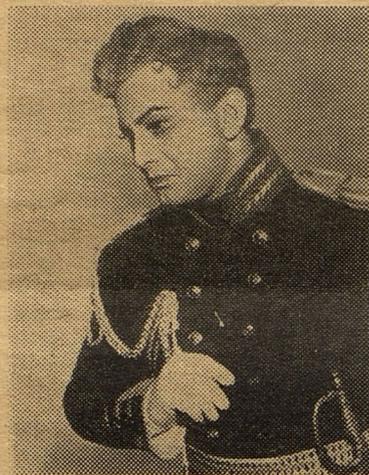
Потом узнали, что его энергии хватит на десять человек, что он охотно и умело помогает товарищам в делах сценического мастерства, что он «умелец» по части юбилеев, «капустников», «посиделок» и других дружеских увеселений. Неистощимая энергия, направленная на все театральное, все, что от театра, для театра, — вот что такое Панков.

Когда «вокальный срок» Панкова стал подходить к концу (у каждого певца есть свой «вокальный срок»), естественно, как само собою разумеющееся, Г. Панков стал режиссером. Здесь, а это легко доказать, певческая и актерская судьба стала прологом к режиссерской деятельности Г. Панкова.

Трудолюбие — важная черта существования Г. Панкова в жизни, в искусстве. Любовь к труду — признак таланта. Режиссерский труд — это труд «чернорабочего», здесь нет места для большого самолюбия и чрезмерной брезгливости. Терпение и терпеливость, проглатывание мелких и больших, типично режиссерских, неприятностей, пропускание «мимо ушей» всех мешающих делу «важных обстоятельств» входит в число обязанностей режиссера.

Но Рэна еще и актер, поэтому ему трудно иногда справиться с этим. Ему горько и обидно, когда подопечный артист, которому режиссер стремится сделать добро (таковы интересы профессии!), из-за упрямства не хочет делать спасительный укол — он, как трудный больной, выплевывает пилюлю в лицо тому, кто ее дает. Да, Рэна еще обижается. Но «подкупить» его легко: два-три выразительных штриха в роли, надежда на творческий успех, и режиссер Г. Панков сразу отбрасывает любую неприязнь к актеру, и вот он уже влюблен в него и все готов для него сделать. Режиссерское терпение побеждает у Рэны актерскую нервозность — он уже подает актеру стул, бежит для него за реквизитом, охраняет его, опекает и в то же время убеждает в сложной исполнительской психологической задаче.

Много ли надо такому театральному человеку от жизни? Много, очень много хотелось бы ему иметь. Много из того, что он заслуживает, он уже имеет, но не все. Главное — при нем. И это главное — в мгновениях, не всегда частых, но прекрасных, мгновениях, когда что-то посаянное в аскетически пустом или захлам-

Г. Панков — Долохов («Война и мир»).

ленном всякой театральной рухлядью репетиционном зале расцветает пышным цветом в условиях прекрасной сцены Большого театра. И это — счастье! Счастье творца того, что никому не видно, творца того, что растворилось в успехе другого, счастье благородное и скромное. Оно посещает режиссера Г. Панкова, и чем больше труда им вложено в успех актера, с которым он занимается, тем радостнее у него на сердце. Это — природа режиссерской профессии.

Годы уходят. За ними вслед идут другие. Пусть принесут они Г. Г. Панкову много радости, заметных только ему, важных — всему искусству Большого театра.

Б. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист СССР, главный режиссер Большого театра.

* * *

Дирекция театра издала следующий приказ:

«Исполнилось 25 лет работы в Большом театре СССР режиссера оперы заслуженного артиста РСФСР Панкова Георгия Геннадьевича.

С 25 мая 1954 года по 15 января 1973 года Г. Панков работал солистом оперы, исполняя ответственные партии во многих спектаклях оперного репертуара: Мороз — «Снегурочка», Бартоло — «Севильский цирюльник», Фигаро — «Свадьба Фигаро», Комиссар — «Неизвестный солдат», Долохов — «Война и мир», Пунига — «Кармен», Ротный — «Евгений Онегин» и др.

Незаурядные артистические данные Г. Панкова, высокий профессионализм, мастерство и верное понимание специфики оперного жанра позволили ему создать ряд ярких, запоминающихся образов разнообразного амплуа.

С 15 января 1973 г. Г. Панков — режиссер оперной труппы, уделяет много внимания работе с актерами как в новых постановках театра, так и по вводам в спектакли текущего репертуара.

Одной из значительных работ Г. Панкова явилось капитальное возобновление жемчужины русской классики — оперы «Иван Сусанин» М. Глинки.

Г. Панков много занят в работе по организации и проведению концертов театра, в том числе и шефских, которые отличаются академичностью и хорошим вкусом.

Принимает активное участие в общественной жизни коллектива. Неоднократно избирался членом цехкома оперы, был членом редакционной коллегии газеты «Советский артист».

В 1966 г. за заслуги в развитии советского музыкального искусства Г. Панкову присвоено почетное звание заслуженного артиста РСФСР. В 1976 г. Г. Панков в связи с 200-летием Большого театра СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За долголетнюю добросовестную работу в Большом театре СССР режиссеру оперы заслуженному артисту РСФСР Панкову Георгию Геннадьевичу приказом дирекции объявлена благодарность.

Г. Панков — Бартоло («Севильский цирюльник»).

Г. Панков — Фигаро («Свадьба Фигаро»).